

Субъективная оценка астраханцев деятельности региональной власти проявляется также в уровне протестного потенциала (см. табл. 3).

Можно заметить, что, по сравнению с 2009 годом, в 2012 году в Астраханской области замечается большой спад (на 7,7 %) однозначной готовности принятия участия в акциях протеста (с 23,8 % опрошенных в 2009 г. до 16,1 % респондентов в 2012 г.). В 2015 году этот показатель снова возрастает и достигает уже 25,2 %, т.е. возрастает на 9,1 % по сравнению с 2012 годом. В 2009 и 2012 годах от ответа воздержалось примерно одинаковое количество опрошенных: 15,3 % и 15,5 % соответственно. В 2015 году от ответа воздержались на 1 % меньше опрошенных, по сравнению с 2012 годом. Также можно отметить, что по сравнению с 2009 годом, в 2012 году наблюдается спад готовности принятия участия в акциях протеста на 10,2 % (от 45,3 % респондентов в 2009 г. до 35,1% опрошенных в 2012 г.). В 2015 году этот показатель снова возрастает на 17,3 % и достигает своего пика в 52,4 % опрошенных.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА АСТРАХАНСКИХ КАЗАКОВ

К. С. Меньшова, А. В. Сызранов

Астраханский государственный архитектурно-строительный университет, г. Астрахань (Россия)

В начале XX века возникает тенденция к сближению казачьей культуры с культурой русского населения Нижней Волги, и эта тенденция лишь усилилась в течение века. Малочисленность и территориальная разрозненность казачьего населения региона стали благодатными условиями для все усиливавшегося культурного влияния окружающего неказачьего населения. Это проявилось, прежде всего, в том, что в традиционную казачью культуру стали проникать элементы мещанской (городской) и крестьянской культур. При этом в станицах, находившихся в достаточном удалении от города (земледельческие районы), быт и внешний вид казаков был ближе к крестьянскому, а в пригородных и низовых станицах сближался с мещанским [3, с. 15].

Однако, ошибочно было бы полагать, что культура астраханских казаков полностью смешалась с культурой местного населения. На деле же оказывается, что большая часть культуры казаков осталась практически неизменной. Вместе с тем, нельзя говорить и о «чистоте» культуры казаков Нижнего Поволжья, так как определенное влияние и элементы культуры местных этносов все же проникли к казакам, и процесс этого проникновения других культур в казачью происходил на более ранних этапах истории казачества.

Как и в XIX веке, наиболее популярным видом жилища у казаков оставались одноэтажные деревянные двухкомнатные дома с двускатной крышей

и высокими дощатыми заборами. Широкое использование дерева в строительстве объяснялось дешевизной и легкой доступностью, так как лес в больших количествах сплавлился плотами по Волге. Окна избы были обрамлены ставнями и всегда обращены внутрь двора, что опять-таки являлось пережитком дореволюционного уклада жизни казаков.

В 30-е годы XX в. казачьи поселения полностью превратились в села. Тут дело не столько в указе «сверху» о превращении станиц в села, сколько в отмирании роли казачьих станиц как своеобразных «форпостов» защиты юга России, что, конечно же, отразилось на последующей застройке территории этих сел. Теперь и форма поселений перестала быть круглой, да и церкви, если не были разрушены, сместились на окраины поселений. Надворные постройки включали летнюю кухню, различные амбары и сараи для содержания сельскохозяйственного инвентаря [1, с. 345].

Оставшиеся после зажиточных казаков специальные теплые загоны для скота в луговой стороне за Волгой теперь принадлежали колхозам и использовались совместно. Эти загоны были сделаны из плетня и назывались «зимовники». Весь скот с весны до осени пасся в общественных табунах. На зиму весь скот перегонялся в зимовники, где содержался на сене.

Внутри дом выглядел, как и в XIX веке: две-три комнаты – кухня, спальня и горница. На кухне в заднем углу располагалась русская печь. Были в казачьих селах и кирпичные дома, принадлежавшие ранее зажиточным казакам, посвятившим себя торговле и скотоводству. Эти двухэтажные дома с различными внешними украшениями – балконами, галереями и застекленными верандами – очень сильно контрастировали с незатейливыми постройками простых казаков. Но вне зависимости от богатства украшений и качества постройки, внутри каждый дом имел «чистую» и «зимнюю» половины. «Чистая» половина состояла из двух комнат – в одной была приемная, в другой спальня [1, с. 376].

Внутреннее убранство тоже зависело от степени обеспеченности казака. Бывшие ранее неотъемлемым элементом каждого казачьего дома иконы не выставлялись теперь на показ, а хранились втайне от соседей. Мебель в казачьем доме была все так же скромна – стол, покрытый скатертью, пара стульев, диван, обитый ситцем. У дивана имелось свое особое место – у перегородки, ведущей из приемной, рядом со шкафом, в спальню. Русская печь, сложенная из кирпича («буржуйка»), была центральным элементом кухни, вокруг которой стояли лавки. Топили ее в основном хворостом, дровами или кизяком.

Еще одним немаловажным предметом обстановки дома был большой обеденный стол, устанавливаемый всегда в углу. Напротив него обычно стоял шкаф или сундук для хранения вещей. В заднем углу комнаты вешался умывальник, который летом перемещался во двор – на крыльцо. Кухни имели несколько окон и были достаточно светлыми, имелось электрическое освещение. Одно из таких окон всегда было напротив печи, на

нем располагалась кухонная утварь – разнообразные сковороды, глиняные горшки, жестяные кружки, железные ведра, скалки, блюда и т. д.

Кроме всего прочего, кухня являлась центральным местом жизни всего дома. Здесь по-прежнему проводилась основная масса всего времени в доме: хоть в кухне уже не спали, но здесь ели, готовили и общались члены семьи. «Чистая» же часть дома предназначалась в основном для приема гостей. В этой части стояла большая двуспальная кровать с перинами, покрытая тканевым или ситцевым одеялом.

Что же касается изменений в казачьей кухне, то они так же не столь существенны, как и в случае с жилищем. Из мякоти плодов тыквы варили кашу с пшеном; ели такую кашу обычно в период предрождественского поста. Очень нравилась бывшим станичникам и полезная для печени и селезенки печеная тыква. Тыкву резали пополам, очищали от семечек, клали на сковороду и ставили на раскаленные угли в русскую печь. Через два часа вынимали из печи коричневую печеную обезвоженную тыкву, резали на доли и ели. Жареные семечки тыквы также употреблялись в пищу, так как считались очень полезными [1, с. 387].

Арбузы с бахчей казаки использовали уже с июля-августа. Собранные арбузы осенью укрывали в сараях в соломе и мякине, посыпали мелом. В таком виде они могли храниться до января. Арбузы мочили в слабосоленом растворе в дубовых бочках и хранили в подполье. Осенью из арбузов варили мед. Мякоть и сок в медном тазу варили на таганках во дворе, пока смесь не становилась однородной и коричневой. Такой мед (нардек) ели в посты с горячими плюшками. Ботву бахчевых культур сжигали под таганками при варке нардека. Семечки арбузов и дынь грызли, они очень полезны при болезнях почек, кишечника. Любили астраханские казаки дыни, ели их и варили варенье и нардек.

В праздничные дни казачий стол ломился от изобилия разнообразных блюд: оладьи, различные похлебки, щи, жаркое, пироги, каши нескольких видов, лапша, паштеты с курицей, дичью, бараньей грудинкой, сазаниной. Верховые казаки ели более скудную пищу, чем низовые, но состоятельные из них не скупались на лакомые кушанья, особенно в праздничные дни. Что же касается употребления хлеба, то ржаной употреблялся мало, и в основном в пищу шел пшеничный, из муки низшего сорта.

Еще в XIX веке традиционный казачий костюм под влиянием городской моды претерпел значительные изменения. В XX веке эти изменения лишь усилились и окончательно укоренились. У мужчин стали популярны пиджаки с брюками, а также жилеты, льняные светлые рубашки-косоворотки и пальто. Женщины наряжались в кофты с юбками и ситцевые платья; из головных уборов у них были популярны платки, косынки и шали. Казачки широко использовали различные украшения – кольца, серьги, и прочее. Повседневной обувью для мужчин были сапоги галифе, реже ботинки,

для женщин – башмаки, по праздникам – туфли, а летом и вовсе – на босу ногу [2, с. 12].

Летом казаки надевали нанковые кафтаны, парусиновые пиджаки, а иногда и бумажные бешметы на вате, подпоясанные ремнем, с серебряной или оловянной бляхой. Шаровары шились из сукна, нанки или холстины, носились заправленными в сапоги. На голову надевали фуражки казачьего покроя или же партикулярные фуражки. В зимнее время года казаки одевались в пальто с каракулевым воротником и каракулевою же шапку.

В праздничные дни казачки наряжались в шерстяные платья, более обеспеченные из них – в шелковые косынки, серьги, кольца, узорчатые чулки, кожаные ботинки, шею же прикрывали шерстяными или бумажными шальями, а зимой – в меховые, стеганные или драповые пальто, салоны, крытые полушелковой материей. Более бедные казачки зимой ходили в резиновых калошах поверх башмаков, надевая, однако, этот наряд лишь в праздничные дни. По большей же части зимой они носили валенки.

В целом, при изучении казачьих культурных традиций, нельзя не заметить чрезвычайную стойкость рассматриваемой культуры. Элементы других культур можно найти в одежде, пище и т. д., но кардинальных изменений за всю историю казаков в Астрахани не произошло. Даже запрет казачества и две мировые войны в XX веке не смогли сломить дух казачества. Многие старожилы казачьих сел вспоминают, как их отцы и деды воспитывали подрастающее поколение в духе казачества, несмотря на запреты советской власти. По-прежнему отмечались казачьи праздники, крестили детей и обучали их казачьим премудростям. Это может говорить о многом, в том числе и о том, что ни о какой гибели или исчезновении астраханского казачества в XX в. не может идти и речи. Казачество Астрахани выжило, сохранив свою культуру и подготовив таким образом почву для своего возрождения.

Список литературы

1. Астраханское казачество – путь сквозь века / Е. Г. Тимофеева и др. Астрахань, 2015.
2. Казаков П. В. Астраханское казачество в XVIII – первой половине XIX в. (формирование, хозяйственная деятельность, быт) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1999.
3. Сызранов А. В. Этносы Астраханской области. Астрахань, 2015.